

84PG-5
K49 K

Николай Климкин

**ВЧЕРА
ЗАКОНЧИЛАСЬ
ВОЙНА**

201087-4

PK

12

ЭК.

К 49^к

Николай Клишкин

ВЧЕРА ЗАКОНЧИЛАСЬ ВОЙНА

Стихи

*К 65-летию
Великой Победы!*

Ошк 1

ББК 84 (2Рос=Рус) 6 – 5

К 49

Издательское объединение Курганской областной
писательской организации и центра «Отклик»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ОБЪЕДИНЕНИЯ

В. Ф. Потанин, член Высшего творческого Совета Союза писателей России; **И. П. Яган**, секретарь Правления Союза писателей России; **Г. А. Травников**, народный художник России; **В. И. Филимонов**, ответственный секретарь Курганской областной писательской организации; **Л. Я. Витебский**, директор центра «Отклик».

Николай Климин.

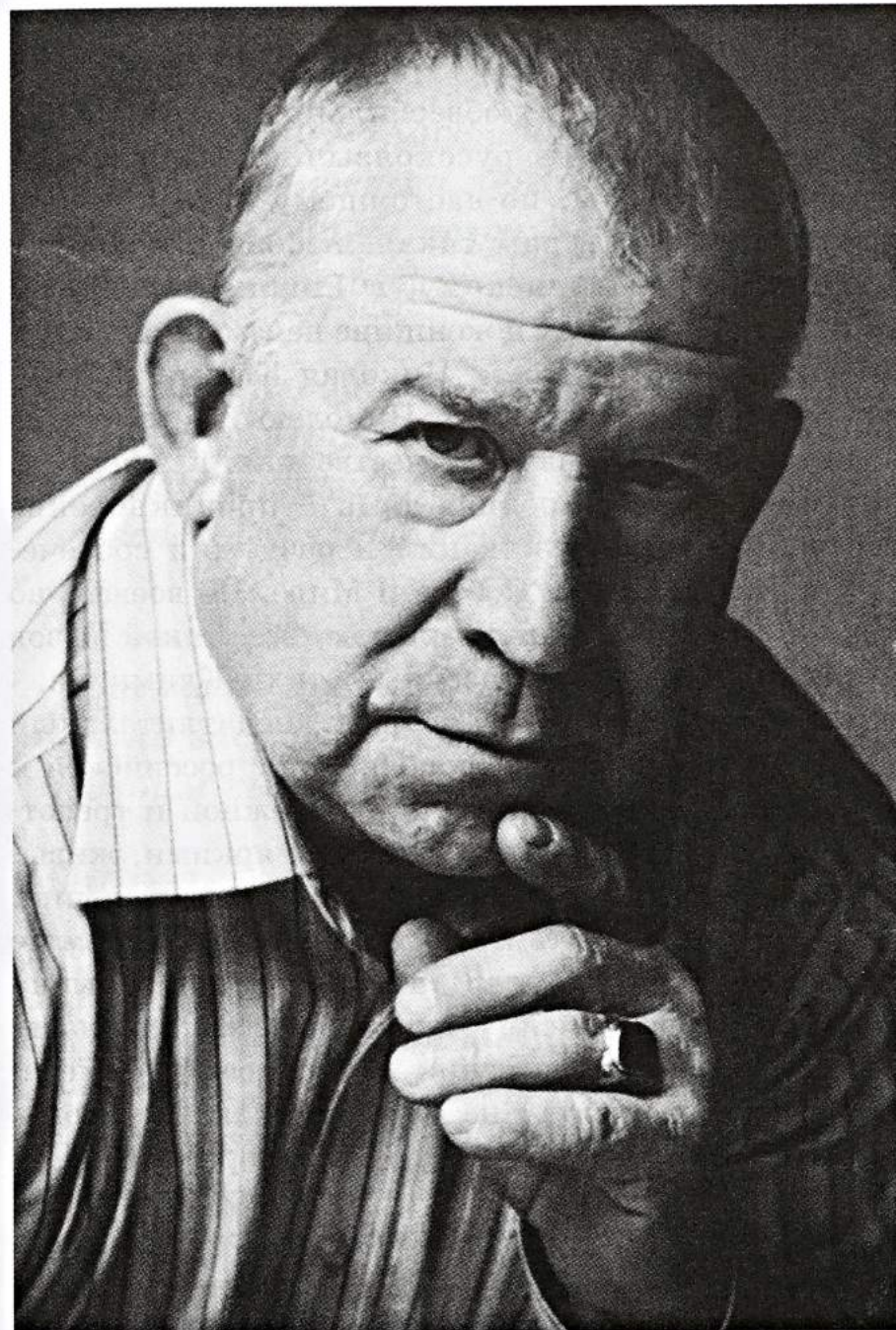
Вчера закончилась война. Стихи.

Курган. – Центр «Отклик». – 2010. – 136 с.

Редактор **Валентин Кветков.**

Николай Климин родился в 1949 году. Детство и молодость прошли в городе Людиново Калужской области, Ленинграде, Ташкенте, Белоруссии, на Урале. В Зауралье – с 1974 года.

Поэтическую практику получил в литературном объединении под руководством Вячеслава Веселова. Автор нескольких поэтических сборников и многочисленных журнальных публикаций. Член Союза писателей России.

ОБЪЯСНЕНИЯ В ЛЮБВИ

Прилагательное «любвеобильный» почти перестало встречаться в русскоязычной литературе. Присущая редким, по-настоящему широким одухотворенным натурам такая любовь к человеку военному и гражданскому, к Родине большой и малой, к отчому дому и женщине неизменно присутствует в стихотворениях Николая Климкина.

Гражданскому человеку Николаю Климкину до боли близки и Великая Отечественная, и Афган, и, конечно, Чечня. Военная тема – проникновение поэта в сферу переживаний и раздумий соотечественников о Войне, Победе и Мире. Не воевал, но показал, что способен писать о войне – такой вывод можно сделать, читая военные стихи Климкина.

Много путей и дорог прошел впечатлительный автор. Не зря прошел – породнился с российской и курганской землей. Признания в нежной и трепетной любви к родным местам звучат яркими, живыми метафорами многих лирических стихотворений. Способностью любить и изумляться прекрасным не покидала и не покидает автора во все времена «быстротекущей жизни», как любил называть нашу действительность наставник и друг поэта – замечательный курганский писатель Вячеслав Веселов.

Пожелаем Николаю Климкину доброго пути.

Валентин Кветков,
член Союза писателей России,
редактор журнала «Сибирский край».

*Вчера закончилась война.
Всю ночь не спит передовая,
А поседевший старшина
Пьет чистый спирт, не разбавляя.*

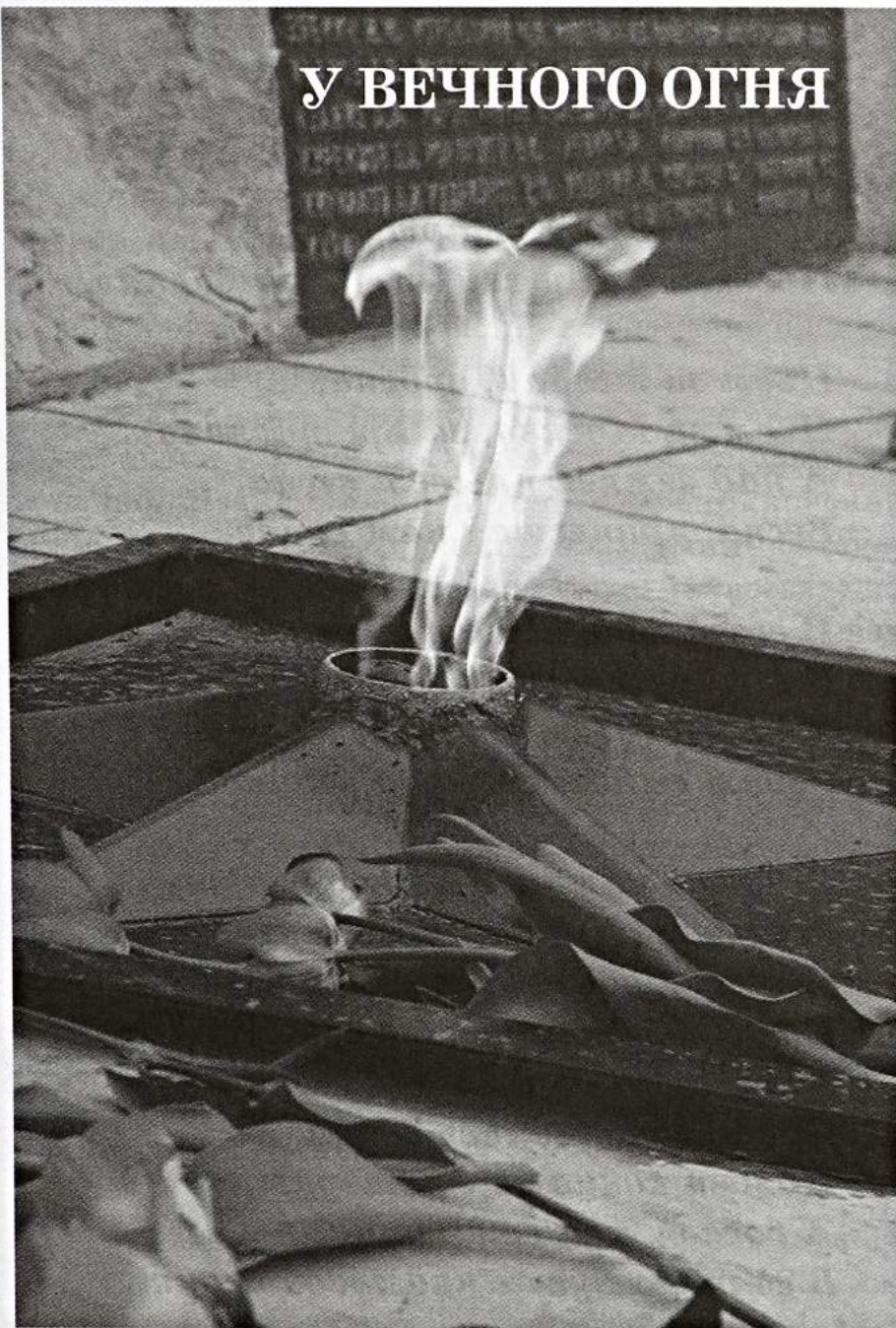
*Пьем за медали, ордена,
Пьем за Москву, за Братиславу,
А над землей плывет весна,
Весна, принеся нам славу.*

*И этой славы хватит всем.
От мала хватит до велика.
И по заслугам воздаст Кремль
Своим сынам страны великой.*

*И будем каждый год встречать
Мы этот праздник, день Победы,
А выпив водки, вспоминать,
Кто сколько горюшка отведал.*

*Давно закончилась война,
Но нет конца еще потерям,
А боевой мой старшина
В святую Русь с надеждой верит.*

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Орден Красной Звезды и медаль за отвагу
Протянул мне сосед чуть дрожащей рукой.
И заплакав, сказал: Этот орден за Прагу,
А медаль получил я за то, что живой.

Я прошел всю войну
от Москвы до Берлина,
Кашеварил, солдатухек кашей кормил,
Подвозил на коняге снаряды и мины,
И России своей – верой правдой служил.

А теперь я – никто, отголосок Победы,
Я песчинка, я миг отгремевшей войны,
Сколько горюшка-горя я в жизни изведаль,
Не жалея ни сил, ни себя для страны...

А награды – возьми, это наши награды,
И храни их сынок, чтобы память жила.
А когда я умру, крест поставь да ограду
Да сирень посади, чтоб весной расцвела.

Войны не видел я, ребята,
Не видел кованых сапог,
Креста на шее у солдата,
На пряжках надпись «С нами Бог».

Родился в годы я иные,
Когда пожар войны угас,
И пели песни фронтовые
В селе по праздникам у нас.

А женщины, устав от горя,
Рожали радостно ребят.
Тепло струилось в бабьем взоре,
Плач затихал у вдовьих хат.

И только дедова пилотка,
Да фото в рамке на стене,
Да лист шершавый похоронки
Напоминали о войне.

Сосновый бор, угасшие поляны,
Стук дятла слышен вдалеке,
Опушка леса, редкие деляны,
Вечерний крик гагары на реке.

Лист падает с деревьев мне под ноги.
Шуршит, потрескивая, старая трава.
А вечер катит солнце по дороге,
В душе рождая новые слова.

Уходит осень, с нею год из жизни.
Листает память даты прошлых лет,
И вспоминаются места моей отчизны,
Дом, где родился я и где увидел свет.

Знакомое в глазах стоит селенье,
Овины, бани, в стаях журавли.
И лебеди плывут, как сновиденья,
Роняя перья белые вдали...

Здесь шла война, и кровь лилась рекою,
Могилы братская на краешке села
И тонкий шпиль, повенчанный звездой —
Одной на всех, за ратные дела.

Мы в атаку с тобою пошли.
Мы рванулись, но ожили доты.
И на землю упав поползли,
Рядовые советской пехоты.

Ах, земля, ты земля не родная.
Даже запах травы не такой.
И прижавшись плотней, вспоминаю
Зауральские дали с тоской.

Слева смерть – вздрогнул парень с Донбасса.
Справа смерть – что же дальше, за мной?
И в течение целого часа
Я целуюсь с чужою землей.

Не пристало бояться солдату,
И я смерти навстречу ползу,
И без счета зубами гранату
Я, не чувствуя боли, грызу.

Смерть за смерть, кровь за кровь –
В плен живыми не брать.
Я хриплю, я командую ротой.
И шершавое небо пытаюсь достать,
Захлебнувшись кровавою рвотой.

Ах, земля, ты земля не родная.
Даже запах травы не такой.
И прижавшись плотней, вспоминаю
Зауральские дали с тоской.

Скоро бой, только двадцать минут
Нам осталось с тобой до атаки.
Скоро, скоро нас в бой поведут,
Штрафников, в мясорубку для драки.

По сигналу ракеты в туман,
Не под крики ура, а под маты
Мы рванули с тобой, капитан,
А теперь – рядовой из штрафбата.

Мы дорогу ножами себе
В темноте проложить не успели,
Но, не сдавшись покорно судьбе,
Автоматы нам песню запели.

Смерть кружила под огненный шквал,
Над траншеей косою играя.
Капитан с пулей в сердце упал,
Грудью землю свою закрывая.

Я бежал, словно раненый зверь,
Не жалел и не ведал пощады...
Даже страшно подумать теперь,
А тогда было просто так надо.

Кровью красной залитый рассвет
Поднимался неспешно над полем.
Значит, случай – счастливый билет
Я у жизни достал перед боем.

Я помню: Курская дуга,
Словно подкова, распрямилась.
И танки клином на врага
Пошли, когда ракета взвилась.

Пошел вперед наш первый взвод,
Затем пошла вся наша рота,
А на пути фашистский дот
И оробевшая пехота.

А нам уж нечего терять:
У нас вперед одна дорога.
И, смерть поправ, будем стрелять,
Забыв про черта и про бога.

Мы – штрафники. Едрена мать,
Простые русские ребята.
Нам в бой идти – не привыкать,
От капитана до солдата.

И мы идем, идем на смерть
За нашу Родину – Россию.
Идем в сплошную круговерть,
Где танки с кровью грязь месили

Где падали, крича ура!
Где умирали по-геройски,
Где молодая медсестра
Нам улыбалась по-свойски.

Где капитан нам был, как брат,
Ведь мы за ним пошли в атаку.
И под сплошной звериный мат
Мы развязали в поле драку.

Смешались небо и земля.
Ревели танки, самолеты.
И в обгоревшие поля
Бежала умирать пехота.

И не увидит больше мать
Свое дитя – мы все под богом.
Ведь кто-то должен умирать,
А нас таких, ох, слишком много.

Хохлов, кацапов, бульбашей,
Татар, казахов и узбеков.
Нас не считали за людей,
Не видели в нас человека...

Но мы прошли весь этот ад
От Курска до ворот Берлина.
И молча, умирал комбат,
В конце войны, ступив на мину

За высоту четыре дробь четыре
Жизнь положила рота снайперов.
И, замерев, лежат, как будто в тире,
Зрачки на запад, сорок шесть стволов.

Решалось все. Атака за атакой,
За валом вал катился по траве.
Недаром называли её пьяной,
Атакой пьяной «Мертвой головы».

Дрожала степь, земля кругом стонала.
Мундиры черные – на касках черепа.
Под крики унтеров СС вперёд бежала
В экстазе пьяном дикая толпа...

Команда ротного: «Огонь, огонь, ребята!»
Не слышно выстрелов, лишь топот ног,
И в окуляры видит глаз солдата
Подошвы кованые вражеских сапог.

Но бой неравен, силы на исходе.
В живых две девушки да старшина,
А враг со всех сторон уже обходит,
И над траншеей виснет тишина.

Шесть рук протянуты к гранатам,
Шесть рук, умевшие работать и ласкать.
И землю потрясают три раската,
И эхо повторяет: «Ма-а-ма, ма-ть».

Я недавно услышал рассказ,
Как под камнем, в лесу возле Буга,
Обнаружили противогаз
С документами Виктора Струга...

В сорок первом у Брестской стены
Он стоял до последнего вздоха,
И пробитый в начале войны
Партбилет он запрятал под мохом.

Пересылка, тюрьма, лагеря...
Шесть побегов в течение года.
И нашивку пришили не зря,
А он жил, веря в черта и в бога.

Он не рвался к стремящимся в рай,
Он бежал от погони в дверь ада.
Он бежал, словно в прятки играл,
Полосой, где свистели снаряды.

Вот траншея, последний бросок,
Впереди – каски с красной звездой,
И скатившись в горячий песок,
Прошептал: «Русь, я снова с тобою».

Много жизней война унесла,
Разбросала могилы по свету.
Нет им, холмикам малым, числа,
Скорбным холмикам нашей планеты.

ОШИБАЕТСЯ В ЖИЗНИ ОДИН РАЗ САПЁР

Ошибается в жизни один раз сапёр,
И судьба его – минное поле.
Он один на один тушит смерти костер.
Гимнастерка пропитана солью.

По-пластунски на запад продвинулся взвод.
Цель ясна: нужна танкам дорога.
И ползут, и вгрызаются пальцами в лед.
На виду. И не только у бога.

Маскхалаты белеют при свете ракет.
Смерть? Она обошла стороною.
И в окопах мелькает, на солнце, скелет –
Она тоже готовится к бою...

В этот раз их двенадцать вернулось назад.
Шли они по тропинке без строя.
Автоматы болтались, а вместо наград
Сердце билось в груди их, живое.

ГЕРОЮ-ПОДПОЛЬЩИКУ АЛЕКСЕЮ ШУМАВЦОВУ

По лестнице, ведущей к эшафоту,
Он шел с поднятой гордо головой.
И автоматы сжав, застыла рота,
Смерть насмехалась над его судьбой.

Он шел, и все вокруг оцепенело.
Садилось солнце в алую зарю.
И на его истерзанное тело
Палач готовил прочную петлю.

Он шел на смерть, не сломленный душою,
С блуждающей улыбкой на устах.
И горе горькое повисло над землею,
Слезами растворилось в облаках.

Он шел в бессмертие, ему венок пеньковый
Рука предателя безжалостно сплела.
И приговор услышав тот суровый,
Россия-мать от боли замерла...

Оплакивала ночь его останки,
Качало тело ветром под луной.
А на рассвете в город вошли танки,
Туман, расплавив красною звездой.

КАК НА ВОЙНЕ

*Инвалидам, участникам
Великой войны посвящается...*

Через стекло я вижу синеву
И клин гусиный, отголосок лета.
А вы не верьте, милые, в молву,
Что моя песенка на белом свете спета.

Не прикуёт меня больничная кровать:
Я разорву её смертельные оковы.
И я пытаюсь через силу встать,
Смерть для меня давно уже не нова.

Стучит и рвется сердце из груди,
Ступни ступают голые на нервы,
Что там, за окошком впереди?
Сейчас увижу я одним из первых.

Молчит палата, что ни шаг, то смерть.
Им не понять тоски моей до боли,
Что хочется по-прежнему мне петь,
Как птахе малой в чистом поле.

Как на войне за метром метр
Без стога продвигаюсь еле-еле.
Не потерять бы только центр –
Совсем немного до заветной цели...

Вот брызнула рябина мне в лицо
Неповторимой краскою июля,
А осень – осень желтая – свинцом
Ударила, как в сорок первом, пуля.

На стенах побеждённого рейхстага
Мы ставили автограф в сорок пятом.
Писали имена, фамилии и даты
Своих друзей, погибших с нами рядом.

Ещё гремели выстрелы в округе,
Ещё смотрели жители в испуге,
А дети, пережившие войну,
За хлебом потянулись в тишину.

И встал солдат с ребенком на руках.
Цвели сады и девушки вздыхали,
А в медсанбатах парни умирали
У растревоженного мира на глазах...

И похоронки долго ещё шли,
Но, не найдя на месте адресата,
Ложились на казённые столы
С наградами погибшего солдата.

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

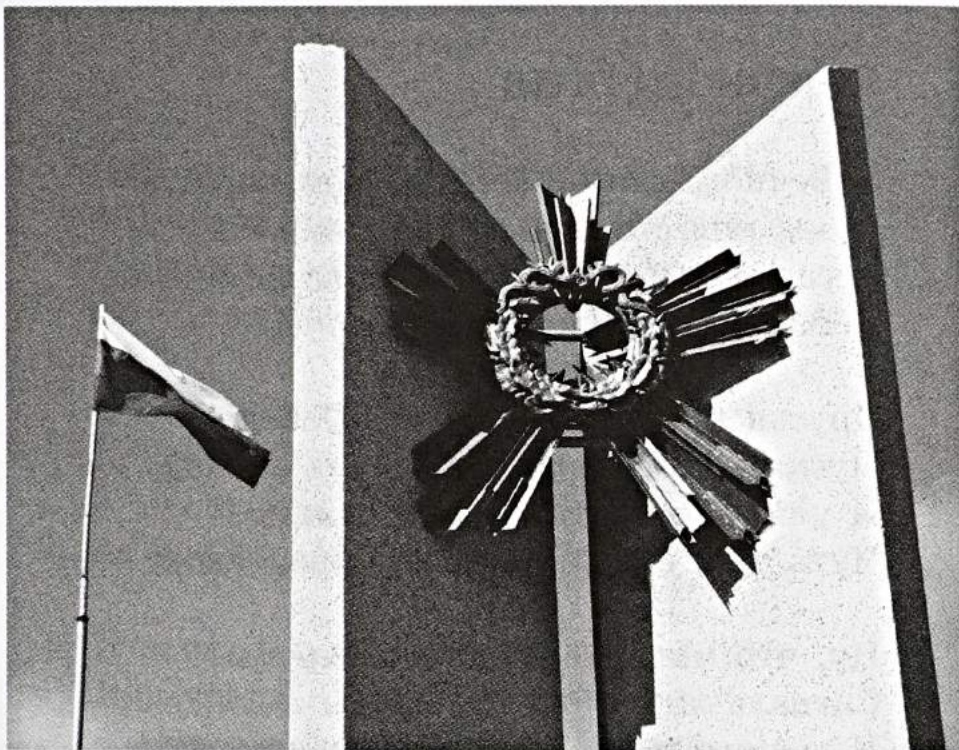
У Вечного огня в бессмертном карауле
Душа моя стоит, как часовой.
А сам я – прах, я – шепот ветра в гуле,
К Вам долетевшего с передовой.

Друзья мои! Сегодня День Победы.
Пусть же солнце светит над землей,
И улыбаются отцы наши и деды,
Чуть пригубив из кружки фронтовой.

Ну, что молчите, поднятые трубы?
Сигнала ждете, как команды в бой?
И шепчут марш чуть дрогнувшие губы
И имя тех, кто не пришел домой.

Я не один. Нас двадцать миллионов,
Себя принесших на святой алтарь.
И слышатся в минуту скорби стоны,
И долетает с поля боя гарь.

Блестят медали в ярких вспышках света.
Салют ночное небо рвет.
И вздрогнула испуганно планета,
Замедлив на мгновение полет.

ДОРОГАМИ АФГАНИСТАНА

Автобус быстро отошел,
Девчонки вслед рукой махнули.
Вот тот момент, он подошел:
Из детства в юность мы шагнули.

Нас повезли кого куда.
Над нами – небо голубое.
Мы были лишь пока руда,
Сырье гражданского покроя.

Я помню плац, себя на нем,
Команду строиться повзводно,
Присягу Родине даем,
И как-то дышится свободно.

Чеканя шаг, в строю идем,
А знамя рядом полыхает.
Сержант командует: «Поем!»
Слова, что душу разрывают...

Два года – срок-то небольшой –
Плечом к плечу, рука с рукою.
Да, мы срослись с тобой душой,
Ты стала, армия, родною.

Вдоль трассы памятники, памятники.
Могилы, холмики застыли у дорог.
В одной из них лежат друзья-напарники.
И обелиск с рулем над ними строг.

Машины пролетают по асфальту,
Водители сильнее давят газ,
А резкий ветер шарит по капоту,
Словно сигнал, предупреждая нас.

Летят камазы, зилы на просторе,
Дорога рвется вдаль из-под колес,
А где-то рядом бродят смерть и горе
И краску белую готовят для волос.

ВОТ ЕЩЕ ОДИН ЦИНКОВЫЙ ГРОБ

Вот еще один цинковый гроб
Опустили в остывшую землю.
Так хоронят солдат, высших проб,
Так хоронят ребят моего поколенья.

Тебя нет. Ты погиб. Ты ушел навсегда,
Ты навеки остался ущелье.
И журчит под ногами живая вода,
Да луна поднимается с ленью.

Здесь, среди голых камней, на чужой стороне,
Ты поймал в грудь кусочек свинцовый.
И упавшая тень замерла на стене —
По Москве — в половине седьмого.

Долг солдата ты выполнил с честью, сынок!
И звезда, как на небе, горит на берегу,
И ласкает могилу земной ветерок,
Прилетевший к тебе на рассвете...

Да не спит по ночам поседевшая мать,
В звездном сумраке тихо вздыхает.
Она, молча, ругает Советскую власть,
Ту, что в бой вас на смерть посылает.

**Я ВЫЖИЛ,
Я ОДИН В ЖИВЫХ ОСТАЛСЯ**

Я – за Христа, распятого не нами.
Я – за Христа, распятого не мной.
И в жизнь, вцепившись белыми зубами,
Парю, как птица, между небом и землей.

Лечу вперед сквозь мрак туманной ночи,
Так, где же он проклятый караван?
Я на задание не рвался, чтобы очень,
Но все решил за нас наш капитан.

Он пальцем водит по земному шару:
На этой карте тысячи дорог.
А я все жду коварного удара –
Оттуда, снизу, прямо из-под ног.

И круг за кругом мы утюжим небо.
Спаси же, сохрани нас, талисман.
Я накормлю тебя по-русски – хлебом,
И кровь взамен по капельке отдам.

А ночь молчит, она не спорит с нами,
И только винт шумит над головой.
Я вспомнил, как когда-то пацанами,
Мы бегали смотреть учебный бой

И вот он – бой, но только не учебный,
И, страх, забыв, я прыгаю вперед,
И без прицела очередью длинной
Ночь разрываю вдоль и поперек.

Я выжил, я один в живых остался,
Я видел, как погиб наш капитан.
Я горькими слезами обливался,
Я проклинал тебя, Афганистан.

Я проклинал ненужные утраты,
Я грыз металл, я рвался снова в бой,
И девочку-сестру из медсанбата,
Однажды я назвал своей женой.

Я – за Христа, распятого не нами.
Я – за Христа, распятого не мной.
И в землю упираясь костылями,
Я возвращаюсь с орденом домой.

– Ты дворник, ты не человек, –
Кричит сосед, когда бывает пьяный.
– Ассенизатор ты, и это в наш-то век,
Ты парень не того, какой-то странный.

А я не странный, я люблю метлу,
Люблю дворы и сонные бульвары,
И распутившуюся тонкую ветлу,
И в небе непогасшие стожары.

Да, я люблю, когда порхает снег,
Да, я люблю февральские метели,
Но не люблю за подворотней смех.
Мне эти люди – вот как! – надоели.

Они смеются за моей спиной
И пальцем тычут в раны пулевые.
Их бы туда, в Афган, со мною в бой,
Где не растут цветочки полевые.

Не звезды падают, сгорая в вышине.
Это сгорают в небе наши души.
Они сгорают на чужой земле,
Где я еще кому-то очень нужен.

Скорей назад, да кто же разрешит?
Свое отдали мы с тобою без остатка.
Уже другой на выстрелы бежит –
Там новые законы и порядки.

А я мету, сгребая в кучу лист,
Назло себе, друзьям и оппонентам.
И двор мой, как всегда, бывает чист
От всяких там ненужных экскрементов.

ПОСТОВАЯ СЕСТРА

Ты, как солдат, девчонка, на посту.
И твой укол, твой взгляд не лишней.
Мы движемся по узкому мосту,
Мы движемся навстречу жизни.

У каждого своя дорога к ней,
Свои заботы и свои печали.
Ты подлечи, родная, поскорей,
Чтоб мужики ночами не кричали.

И не будили сонную зарю
Гортанные, пугающие звуки.
А тем, кто уже замер на краю,
Ты протяни спасительные руки.

Ты добрая хорошая сестра,
Тебя мы любим, верим и жалеем.
Ты бабочкой порхаешь до утра,
На отдых даже время не имея.

Ты ночи коротаешь на посту –
Недаром вас назвали постовыми,
А вы еще такие молодые,
Не преступившие запретную черту

БОЛЬНИЦА

М. Александрову

Открытые двери больницы –
Закрытая чья-то душа.
И хмурые серые лица
Застыли в окне, чуть дыша.

Больница, больница, больница...
Ты боль, ты надежда, ты страх.
Здесь может такое случиться,
Что жизнь отлетит на глазах.

А рядом, надежд не теряя,
Всецело отдавшись судьбе,
В подушку уткнувшись, рыдают
Отдавшие силы борьбе.

Но солнце взошло и с ладони
Лакает берез молоко.
И нам до предсмертных агоний,
Похоже, еще далеко.

А значит, наступят рассветы,
Улыбки скользнут по устам,
И всполохи бабьего лета
Я с радостью людям отдам.

На заросшем бурьяном холме,
У забытой московской дороги,
Дуб дремучий виднелся во тьме,
В пуп земли проросли его ноги.

Был и он, как и мы, молодым,
Промелькнули года до столетья.
И вот старцем стоит он седым
И качает склоненные ветви.

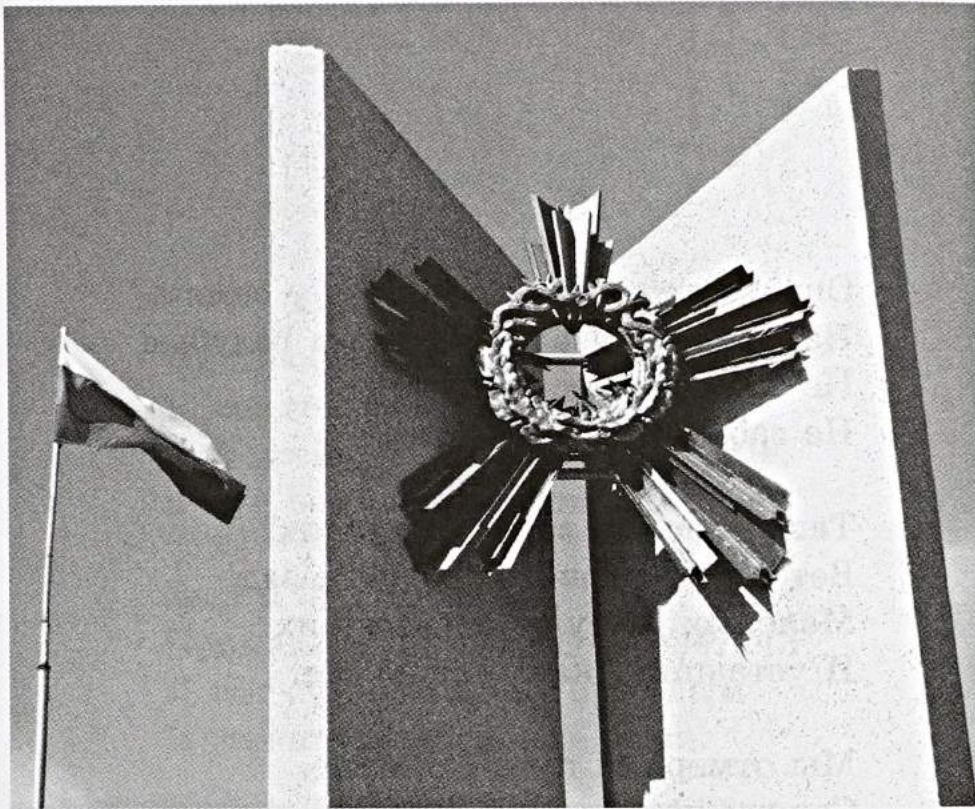
А вокруг ни души – тишина.
Только изредка свист соловьиный,
Да за лесом сплошным, как стена,
Опускается клин журавлиный.

Опускается клин, замолчав у земли,
На озерную гладь. Их глаза голубые
Не забыли дорогу, нашли,
Не забыли, мои золотые...

Так и нас, на заре улетевших,
Ветер странствий воротит назад.
Молодых, но уже поседевших
И уставших, как осенью сад.

Мы отмерили путь на земле,
Сапоги истоптавши, устали.
И умывшись в кровавой золе,
Правду жизни нутром испытали.

А теперь, возвратившись домой,
В тишину замолчавшего бора,
Мы стоим среди прохлады лесной,
Очищаясь от лишнего сора.

ЧЕЧЕНСКИЙ ИЗЛОМ

Ты развязал войну в Чечне.
Войну несправедливую.
Отдай, отдай Чечню Чечне,
И бог тебя помилует.

Верни назад своих детей –
Живыми, не покойников.
И вземли зову матерей,
А не твори разбойников.

Отдай свой посох молодым –
Им уступи дорогу.
И поседев, как белый снег,
Готовься к встрече с богом.

Мы вышли из ворот военкомата,
Вперед шагнули вслед за старшиной,
Простые деревенские ребята,
Неловко вставшие в неровный строй.

Нас повели по улицам полночным,
Под звездным небом прямо на вокзал.
Нас повезут в Чечню, я знаю точно,
Мне старшина об этом рассказал.

Туда, где выстрелы, где смерть, где БТРы,
Где можно вдруг заплакать от тоски,
Где на земле Чечни миллионеры
Россию разрывают на куски.

Где, веруя в аллаха и свободу,
Абреки родину свою не продают.
А россиян при всем честном народе,
Из автоматов днем и ночью бьют.

Но мы верны присяге до конца.
Есть два пути: позор или почтение.
И превратившись в черного скворца,
Ты прилетишь в село на погребенье.

Тебя с почетом будут хоронить.
Эскорт солдат и залпы над могилой,
И подвиг землякам твой не забыть,
А ты совьешь гнездо себе под ивой.

И каждый день ты будешь наблюдать,
Как твоя мать, от горести седая,
Твою могилку будет целовать,
По вечерам на кладбище рыдая...

А через сорок дней на небесах
Твоя душа предстанет перед богом.
И все хорошее он взвесит на весах,
И выберет тебе твою дорогу.

А БОЙ ИДЕТ, ТЯЖЕЛЫЙ БОЙ

Под Комсомольской бой идет.
Идет уже вторые сутки.
И смерть покоя не дает,
Какие могут быть здесь шутки.

Комбат командует: «Вперед!» –
Вперед идет шестая рота.
Никто не знает, что нас ждет,
А умирать всем неохота.

Ведь неохота умирать,
Когда весна звенит капелью.
И остается только ждать,
Что выпадет в бою смертельном.

А бой идет, тяжелый бой,
И кто кого – еще не ясно.
И кто-то станет за спиной
И душу рвет на части страшно.

Ведь неохота умирать,
Когда весна звенит капелью.
И остается только ждать,
Что выпадет в бою смертельном.

Зачем же ты его убил?
Ведь он не виноват:
Он ранен был и был без сил,
Молоденький солдат.

А ты, заросший бородой,
Без сердца и души,
Его отправил в мир иной,
Жестоко согрешив.

И не простит тебя Аллах –
Убийцы не в чести.
И спутник твой – отныне страх,
Его тебе нести.

А мать убитого тобой
Сыночка будет ждать.
Не обретет она покой –
Век будет проклинять.

Зачем же ты его убил?
Ведь он не виноват:
Он ранен был и был без сил,
Молоденький солдат.

СЛАВНОЙ АРМИИ РЯДОВОЙ

В голове моей тишина.

Опускается вечер на улицу.

Ну, а там, за горами, война,

И солдатик закатом любуется.

Он еще первый день на войне,

Он не видел кровавого месива

Когда пули звенят по броне,

А в траншее до хохота весело.

Когда видишь живую мишень,

Когда бьет автоматная очередь,

Значит, скоро наступит твой день,

Значит, скоро уже твоя очередь.

Бог простит, если что-то не так.

Может, спишут тебя по ранению.

И другой все начнет точно так,

Нет от этого всем нам спасения.

Ну а ты возвратишься домой,

К инвалидной коляске прикованный,

Славной армии рядовой,

Пулей снайпера поцелованный.

И подняв водки целый стакан

За погибших в горах Дагестана,

Ты заплачешь по-детски, пацан,

Наш рябковский пацан из Кургана.

ПОСВЯЩАЕТСЯ Ю.А. АНЦИФЕРОВУ

В натуре мент, но парень не плохой,
Сказать по совести, с открытой душой,
Прошел Абхазию, Чечню и Дагестан
И за погибших поднимал не раз стакан.

Он выходил живым из передраг,
И в день победы доверяют ему флаг,
И орден на груди его блестит,
А он на БМП по площади летит.

Летит вперед, наперекор судьбе,
И смысл всей жизни, отражен в борьбе,
Недавно груз доставил из Чечни...
Ты нам живых мальчишечек верни.

Но не вернуть что было никогда,
Умчалась в неизвестность поезда.
Лишь память в сердце каждого жива,
Да на могилках оживёт трава.

Да зацветёт черёмуха, сирень.
И настезь распахнётся в доме дверь,
И утром ты пойдешь, в туман, к реке.
Сжимая крестик, по-мужски в руке.

ПАМЯТИ ДРУГА

На могилу погибшего друга
Осыпается пеплом листва
И осенняя желтая вьюга
Жадно лижет надгробий слова.

Стаи черные кружатся в небе,
Крик и гомон вороний вокруг,
Тебе кланяясь веточки вербы
Замыкают твой жизненный круг.

Я стою у железной ограды.
Белый мрамор, скамейка, цветы...
И струится по коже прохлада
От суровой земной красоты.

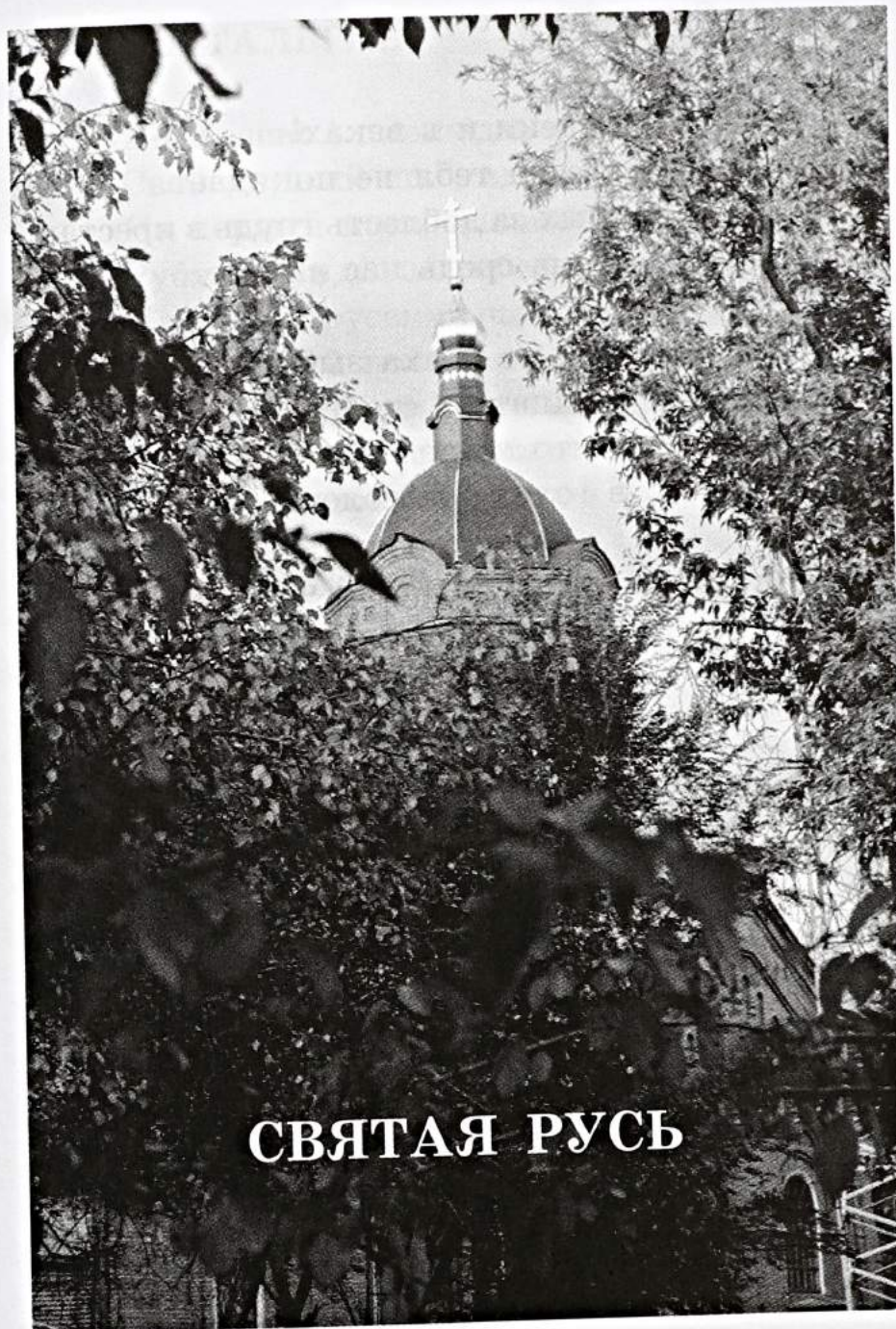
Над Чечнею – ночь.
Лунный диск в крови.
Бродит смерть точь-в-точь
По следам твоим.

Бродит смерть одна
На развалинах.
Слышит плач страна,
Стоны раненых.

Крики: Нет! Нет! Нет!
Хватит ужаса.
Сколько страшных бед
В мире кружится...

Шар земной давно
На оси скрипит.
Или все равно
То, что нам грозит?

Крики: Нет! Нет! Нет!
В тишине слышны,
А пока в ответ –
Только гул войны.

СВЯТАЯ РУСЬ

Святая Русь! Вовеки и в веках!
Аминь. Твоя звезда тебя не покидает.
У верноподданных за доблесть грудь в крестах,
А подлость? И она средь нас витает.

Отринь! Восстань из праха зыбких дней!
Мы на краю двадцатого столетья.
Ты сделал все, что можешь, для людей,
Твоих детей, в годину лихолетья.

И мир придет, наступит твой черед.
Сквозь тернии умчатся злые силы.
И на борьбу поднимется народ,
Уже стоявший на краю могилы.

И свежие луга наполнятся травой,
И конь, заржав, замрет на водопое.
А старец с непокрытой головой
Твоих скитальцев вечных успокоит.

И ты вздохнешь, поднявшись в полный рост,
Святая Русь, великая Россия.
И улетит из глаз печальных грусть,
И станешь ты моложе и красивей.

НОСТАЛЬГИЯ

По Красной площади, чеканя
Свой мерный шаг, вдоль мостовой
На первый пост, словно из камня,
Рубя секунды за собой...
Идет наш русский часовой.
Священный пост, святое место.
Здесь, в сердце Родины родной,
Они стоят в едином жесте.
Сыны советских матерей.
И утро кажется нежней.

Куранты ровно шесть пробили.
Москва в движение пришла.
Лучи на землю не спешили,
Лишь осветили купола,
Собора тень к ногам легла.
На зелень бронзового лета
Упала алая заря.
В потоке солнечного света
Москва-река бежит, журча
Да звезды над Кремлем горят.

О, братья во Христе!
Я слову Бога внимлю.
Распятый на кресте,
Оплакиваю землю.

Я верю в чудеса,
В могущество пророков.
Есть рай на небесах,
Но не в земных чертогах.

Есть рай и я молюсь.
Прости меня. О, Боже!
Прости за грех. Я не боюсь
Раскаяться, но в чем же?

Быть может, в том, что полюбил
Березы и дубравы.
И часто, выбившись из сил,
Купался в лучах славы.

Или за то, что много раз,
Беспомощный и нежный,
Тонул я в океане глаз
Красавиц безмятежных.

Или за то, что под звездой,
Еще совсем не догоревшей,
Убит был парень молодой,
Так полюбить и не успевший.

Или за то, что его мать,
Под пули сына посылая,
Умела терпеливо ждать?
К тебе, Христос, во тьме взываю...

О, господи! Прости, прости,
Я рву на части душу,
Пытаюсь правду обрести
Здесь, в хаосе ненужном.

В СМОЛИНО

Под сенью церкви в Смолино,
Где ангелы вокруг летают,
Где пьют церковное вино
И снег с крыльца метлой сметают.

Где белоснежная вуаль
Лицо красавицы укрыла,
Где неразгаданная даль
К себе однажды заманила.

Где в небе синем желтый крест
В лучах, сияющих без меры,
Где белый голубь, сев на шест,
Стал символом священной веры.

Где на пороге бытия
Переплетаются явленья,
И ниц упав у алтаря,
Рыдает грешник в иступленьи.

А рядом с черной бородой,
Возвысившись над целым миром,
Плывет священник молодой,
Таинственный, неповторимый...

Где в небе синем желтый крест
В лучах, сияющих без меры,
Где белый голубь, сев на шест,
Стал символом священной веры.

ДА, ЭТО РОДИНА, РОССИЯ

Чай принесли. Вагон качнуло,
На стыках дернулся состав.
Мне проводница улыбнулась,
Слегка на цыпочки привстав.

А солнце без конца мелькало,
Купаясь в бездне голубой.
И мимо птицы пролетали,
Нас увлекая за собой.

Мелькали ивы и березы,
Поселки, дачи, города.
Вокзалы, люди, чьи-то слезы —
Все исчезало навсегда.

Да, это родина, Россия,
Кусочек близкой мне земли.
Я вижу луг, где мы косили,
Где мы коней в ночном пасли.

Где детство плыло и звенело,
Горел под звездами костер,
Где целовался неумело,
Неся девчонке всякий вздор.

Моя земля, моя Россия,
Мое село, осенний лес,
Нет в мире ничего красивей,
Дороже, ближе этих мест.

Года прошли мгновенно, без возврата,
Лишь тишь в ночи, голубизна полей...
А ты стоишь, Россия, необъятна,
Любовь моя, ты мать своих детей.

Бреду я полем, лесом или лугом,
Вдыхаю воздух родины моей,
Мне не забыть могилы, что под Бугом,
И слезы горькие на лицах матерей.

Клин журавлей летит своей дорогой,
А я иду, и мир – он весь во мне.
И помолившись перед храмом Богу,
Нелегкий путь продолжу по стране.

Меня ночами крик тревожит:
То гуси в вышине кричат.
Что ночью их тревожить может?
Они на родину летят.

Летят туда, где оперились,
Где был стремительным полет,
Где в первый раз они влюбились
У голубых прозрачных вод.

Как я хотел бы в небе синем
В полете тело распрямить
И над просторами России
Счастливой птицею парить...

Опрокинулась черная чаша,
И, разлив голубую печаль,
Под гармошку на празднике пляшет
Тракторист, получивший медаль.

Он кружится. Порхает. Летает.
Пыль столбом над толпой.
На Руси это часто бывает –
Ты гордыню свою успокой.

Посмотри на цветы полевые,
На березы, что возле реки.
Ах вы, милые, сердцу родные,
Зауральские мужики.

Пьёте часто, но сердцем в работе,
Только нет её, черт побери,
И одна на деревне забота –
Отгонять грусть-печаль от двери.

Ну, а поле, уставшее поле,
Кто разбудит тебя ото сна?
Тяжела деревенская доля,
Где ж могучая наша страна?

Разорвали ее на кусочки,
Разделили на части царьки,
И читают газетные строчки
По деревням одни старики.

Спустилась ночь. Как девочка босая,
Прошлась по закоулкам бытия.
И, словно свечи, звезды зажигая,
Склонила робко тень у алтаря.

И замерли серебряные звуки,
Умолкли до утра колокола.
И протянув натруженные руки,
Душа моя к всевышнему пошла.

Пошла навстречу розовым туманам,
Навстречу запахам едва остывших трав.
И, словно растревоженная рана,
Заплакала, к ногам его припав.

О, Господи! Всесильный, Всемогущий,
Ты моей Родине – чем можешь, помоги,
Чтоб не было в России неимущих,
И успокоились внутри ее враги.

Чтобы цветы вокруг благоухали,
И чтоб церковей горели купола,
И ангелы над Родиной летали,
И Русь моя, крепчала и цвела!

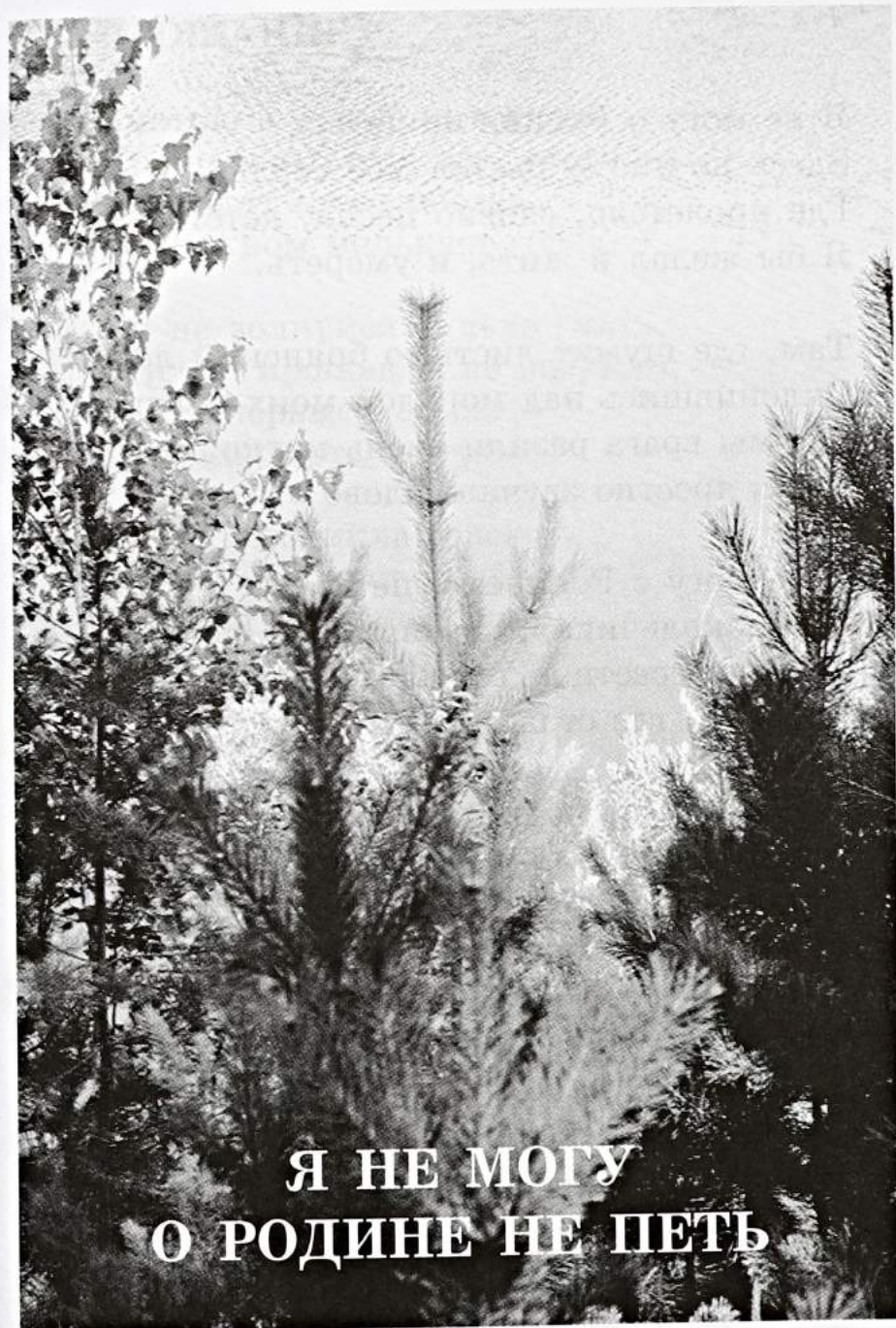
УДАРИЛИ В НАБАТ, И ЗАМОЛЧАЛИ

Ударили в набат, и замолчали
Колокола России в один год.
Иуды веру в Господа продали,
И застонал измученный народ.

Шли по этапу далеко на север,
Шли на Голгофу, веруя в Христа,
А на погостах рвался в хлопья ветер
И кровь, как слезы, капала с креста.

Кто вам сказал, что смерть сильнее веры.
Мы все умрем, но вера не умрет.
Не слушайте вы дьявольской химеры!
Придет Господь и всех от зла спасет.

Придет Господь творить свой суд суровый.
Нам миром тленным ангелы взлетят.
И на рассвет малиново-багровый,
К звезде небесной души полетят.

**Я НЕ МОГУ
О РОДИНЕ НЕ ПЕТЬ**

Я не могу о Родине не петь,
Здесь по-иному бьется моё сердце,
Где пролетело, словно песня, детство,
Я бы желал и жить, и умереть.

Там, где шумит листвою брянский лес,
Склонившись над могилой моих предков,
Где мы врага разили очень метко,
Здесь яростно звучало слово «мечь».

Я не могу о Родине не петь,
О колокольчиках, звенящих на поляне,
О предрассветном голубом тумане,
Об озере, где ставили мы сеть.

Где в тишине полночного залива,
Свернувшись лилии качались на волне,
А мы с тобой совсем забыв о сне,
Ловили, помню, вентером налима.

Я не могу о Родине не петь,
О той земле, что не даёт покоя,
Где, обнимая ствол берёзы, стоя,
Как сын ее хотел бы умереть.

ПРОЩАНИЕ

Смотрю в печальные глаза.
Прощальный час нам очень дорог.
Проходят мимо поезда,
И за окном мелькает город.

Ты не волнуйся сильно, мать,
С тобой прощаюсь не впервые,
И не впервые посылать
Тебе конверты голубые.

Ну, что поникла головой,
Седой, как куст прибрежной ивы.
И слезы горькие рукой
Ты вытираешь торопливо.

Такая выпала судьба
На картах, брошенных гадалкой,
Мне еще в детские года
На дальнем крымском полуострове.

Прости, родная, не грусти.
Простившись с сыном, успокойся.
Пришел мой поезд, отпусти,
За жизнь мою не беспокойся...

Вагоны быстро отошли,
Мелькнули тенью на газоне.
Фигура сгорбилась вдали
И точкой стала не перроне.

Нет малой родины, поверь,
Есть только родина большая.
И открывая в доме дверь,
К тебе летит тоска глухая.

Летит, летит, летит судьба
Над деревенским снежным долом,
И пьет в сарае голытьба,
И воздух пахнет самогоном.

А в поле, за рекою, снег,
В сугробе солнышко играет.
И кто-то, взяв на душу грех,
За баней смерть свою встречает.

И тишина на сотню верст,
Вокруг убогие жилища,
И утонувший в земле крест,
И вместо клуба пепелище.

И мама в платье голубом
Меня, как прежде, не встречает,
Не поведет тропинкой в дом
И не напоит крепким чаем.

И водки не нальет отец
В стакан граненый на рассвете,
И не порежет огурец
В саду на старенькой газете...

И ты покинешь навсегда
Края знакомые до боли,
А путеводная звезда
Будет гореть всю ночь над полем.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ МАТЕРИ МОЕЙ

Я помню день, когда ты умерла,
Когда твоя душа с моей прощалась.
И дождик шел, он лил как из ведра,
И солнце почему-то улыбалось.

И вот теперь, спустя так много лет,
Я понял все, и накатила жалость.
Да, я один, тебя со мною нет,
И сердце вдруг от этой мысли сжалось.

Ах, сколько лет потеряно за зря.
И вот уже в окно стучится старость,
А в небе звезды, как глаза горят,
В полночный час порой даря мне радость.

Я вспоминаю Родину и дом,
Большое поле в центре Шумавцовой,
Как мы идем по улице с отцом
На пастбище искать нашу корову.

Я вспоминаю детство и друзей,
Во всем великолепного Анзора,
И красоту влюбленных глухарей
На токовище за зеленым бором.

Да, я живу от Родины вдали
И пью порою водку из стакана,
И от тоски душа моя болит,
Болит, как растревоженная рана.

Но все пройдет, уйдет печаль и грусть,
И мы закружимся, забыв про все на свете.
И нас не станет жалко, ну и пусть...
Дай бог, чтоб живы были наши дети.

В детство босоное, мечтая,
Заглянуть хотя бы на часок,
Вспоминаю я тебя, родная,
Мама!
Двор наш помню, яблони в рядок.

Ты идешь, пропалываешь грядки,
Я бегу на улицу играть
Дотемна с друзьями в прятки,
Мама!
А ведь надо было помогать.

Наша вишня с ароматом тонким
В белом платье встала подле нас.
Мы сидим с курносою девчонкой
Мама!
Целовал ее я в первый раз.

Закружили голову метели,
Увлекли пороги горных рек,
Вместо белых простыней – шинели,
Мама!
А огни как звездочки в костре.

Много льда река уже согнала,
Много раз линял таежный зверь.
Я вернусь к тебе с лесоповала,
Мама!
Ты звезде негаснущей поверь,

Ты поверь, приеду, дорогая,
Руки тебе нежно протяну
И седую голову рыдая,
Мама!
Я к груди, обняв тебя, прильну.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СЫНА

На столбах фонари зажигает нам вечер,
Мягким светом под ноги крадутся лучи,
В проводах по-осеннему бесится ветер,
И дымком потянуло от русской печи.

Я иду по селу, по знакомой мне улице,
Где когда-то с девчонкой рассветы встречал,
Где под пляску веселую снежной метелицы
По глазам голубым я ночами скучал.

Тот же дуб у дороги – свидетель свиданий,
И скирда серебрится у развилки дорог,
В голубятне соседской голубей воркованье,
И нога скоро ступит на отчий порог.

И откроется дверь. Словно в звездном проеме,
Мне навстречу шагнет, охнув радостно, мать,
И прижмется к груди, и шепнет: «Снова в доме.
Ты надолго, сынок?» – и начнет целовать.

Помнишь, сестричка? В Рязани
Мы по песчаной косе
За парусом белым бежали,
Ноги купая в росе.

Помнишь, как солнце вставало,
В крышу вцепившись рукой.
Детство прошло, но осталось
В памяти нашей живой.

Мелом отчерчены классики:
Первый, четвертый, шестой...
И белые, белые бантики
Сняты весенней порой.

Снится барак, словно улица.
А лица? Их я позабыл.
Так стоит от этого хмуриться,
Память пуская в распыл?

Стоит. Поверь, моя милая.
А как же без этого жить,
Если и осень унылая
Детство порой ворошит.

МОЕЙ ЖЕНЕ

Ты улыбнулась мило и пошла,
Растаяла среди пушистых елей.
Среди снегов, цветов и акварелей
Свою любовь ты в Чусовом нашла.

Еще купаются в сугробах снегири,
И твоя звездочка плывет над полыньей.
А ты, девчоночка с нелегкою судьбой,
Над храмом птицей белою паришь.

Летишь вперед к созвездию Стрельца,
Летишь туда, где жизнь взяла начало.
Где свет увидев, ты впервые закричала,
Где снег, кружась, ложился у крыльца.

Любимая! Я знаю, счастье есть.
Оно с тобой. У твоего порога.
И мысли обращая чаще к богу,
Услышишь сердцем ты благую весть.

Так выпьем же, хорошие мои,
За добрую, прекрасную Надюшу.
И, приласкав стихами ее душу,
Я пожелаю ей здоровья и любви.

ВНУКУ АЛЕКСАНДРУ

Мой внук родился точно в срок –
В час, предназначенный судьбою.
По воле божьей – Козерог,
Обласкан он его рукою.

Он спит и видит только сны.
Во сне – великую Россию.
Он уже сын своей страны,
Которой в мире нет красивей.

Так спи же, набирайся сил,
Мой внук, мой продолжатель рода!
И имя с гордостью носи,
Впитав весь колорит народа.

Расти и знай, что Родина одна,
И ты по жизни вечный странник.
И пусть живет великая страна.
Люби ее, коль ты ее избранник!

Я помню школу старую свою.
Большой барак, три печки, восемь классов
И завуча, седого дядю Власа,
Портрет вождя, и я в строю стою.

Стою в рубашке белой, словно снег.
Рядом со мной девчонки и ребята.
Нас принимали утром в октябрята,
И слышался весь день веселый смех.

И я гордился звездочкой своей,
Носил ее на улице и в школе,
И раздеваясь на футбольном поле,
Ее я гладил на глазах друзей...

И мы росли как все: из года в год.
Учились, воевали, умирали.
Мы Родину – Россию – защищали.
И, как могли, свой продолжали род.

Эта музыка школьного вальса
Нежно тронула душу мою.
И с волненьем застывши у класса,
Я знакомые звуки ловлю.

Выпускной бал сегодня в разгаре,
Пары кружатся, кружится тень.
Музыканты, как боги, в ударе.
Ни когда не забыть этот день.

Вижу в зале счастливые лица,
Осень их не коснулась еще.
Что-то шепчет в углу ученица,
Одноклассника взяв за плечо.

И последним аккордом по сердцу
Провела осторожно струна.
Стихла музыка, вспомнилось детство,
Платье белое, звезды, весна.

ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ

У осени печальные глаза,
И рыжий куст от ветра шевелится,
А капелька дождя, словно слеза,
Вот-вот с листа ожившего сорвутся.

Сорвется осень в омут головой,
Клин журавлиный зарыдает в небе,
А их вожак, раздвинув синь собой,
Перо оставит одинокой вербе.

И полетят, забравшись высоко,
В далекие неведомые страны,
Где на лугах с зеленой осокой
Пасутся седоватые туманы.

Где на чужбине, потеряв покой,
Живут в тоске, рожденные в России.
Их Родина зовет к себе, домой,
Где бегали подростками босыми.

Где на опушках птицы не молчат,
Где шорохи все явственней и ближе.
О, Родина! Прости. Возьми назад.
Я не тебя, я бывших ненавижу.

У осени печальные глаза,
И рыжий куст от ветра шевелится,
А капелька дождя, словно слеза,
Вот-вот с листа ожившего сорвутся.

Закатный лес на склонах вдоль реки,
Заря багровая играет на осине,
Черемухи белеют лепестки,
Летят и исчезают на стремнине.

Потоки вод растаявшего льда
Несутся с гор, все на пути сметая.
Вот так и юности прошли года
Здесь на реке с названьем Чусовая.

Глаза закрою, вижу как во сне:
Поселок Створ и лесосплава дали,
И отблеск солнца на глухой стене,
И склоны гор, притихшие в печали.

Горит костер. По кругу в тишине,
Словно кальян, проплыла кружка чая.
И разговоры о минувшем дне
Я слушаю и быстро засыпаю.

Плывут, кружась, баланы по реке,
Их наверху другой уже сплавляет,
И, как в моей, в его сейчас руке
От тяжести багра кровь в венах замирает.

Надо мной небо светится,
Лес осенний молчит.
Под ногами лист стелется
И в ночи шелестит.

Вспоминается родина...
Далеко от села,
Ночью тихой к поскотине
Нас луна привела.

Осветила околицу,
Старый клен у плетня,
Без названия улицу,
Где мой дом и родня.

Вижу поле усталое,
Ивы спят у ручья,
Здесь весной вода талая,
Убегала, журча.

Здесь, уйдя за невидимый
В ночном сумраке лес,
Покидал удивительный
Край красивых невест...

В поле рожь колосится,
Пыль с дороги, большак...
В детство мне воротиться
Не дает жизнь никак.

ЧТО НАС ЖДЕТ ЗА ПОВОРОТОМ

Что нас ждет за поворотом?
Старый дом, родной до боли,
Приоткрытые ворота,
Нераспаханное поле.

В белом облаке тумана
Клен, как прежде безмятежный,
И березка с тонким станом
Распушила ветки нежно.

И церквушка на пригорке,
Ей сто двадцать лет отроду.
Здесь на праздник дед Егорка
Наливал святую воду.

Здесь встречали мы рассветы
С петухами под гармошку,
И заглянув к бабе Свете,
Пили бражку на дорожку...

И пошли своей дорогой,
Кто в Афган, а кто на зону,
И девчонки – недотроги
Зря рыдали у вагона.

А теперь, спустя полвека,
Я иду тропинкой узкой,
По мосточку через реку,
По земле исконно русской.

ПАМЯТИ ВЯЧЕСЛАВА ВЕСЕЛОВА

Я принёс тебе жёлтую розу
В час прощальный на грешной земле...
Ах, какую прекрасную прозу
Ты не смог дописать в феврале.

Мы на небо тебя провожали,
Провожали туда, где покой,
Но, быть может, в минуты печали
Ты на миг возвратишься домой.

Возвратишься туда, где метели,
Где играют в футбол на снегу,
Где с восторгом на женщин глядели
И ловили их взгляд на бегу.

Где построил ты дом у дороги,
Где ложились строка за строкой,
Где учил ты словесности многих,
Увлекая нас всех за собой...

А теперь тебя нет, ты ушёл навсегда,
Ты ушёл проторённой дорогой.
И уже не горит над Тоболом звезда,
И душа твоя встретилась с Богом.

ПАМЯТИ В. И. ЮРОВСКОГО

Ушёл из жизни соловей,
Природа вмиг осиротела,
И с распутившихся ветвей
Душа на небо улетела.

Туда, в неведомую даль –
У каждого своя дорога...
И в голубых глазах печаль –
Мы все уходим понемногу.

Уходим из любимых мест,
Где глухари на токовище,
Где над церквушкой старый крест,
Где опустевшее жилище.

Где поле поросло травой,
Где день-деньской поет кузнечик,
Где лебедь белая с тоской
Заплачет вдруг по-человечьи.

Ушел из жизни соловей,
Певец природы зауральской,
И слезы преданных друзей
На первоцвет упали майский.

ПАМЯТИ БОРИСА НОВИКОВА

Ах, Боря, Боря, как же ты мечтал
Еще пожить чуть-чуть на этом свете!
И, словно голубь, над землей летал,
Вдыхая воздух свежий на рассвете.

Но вот горит прощальная свеча
И в уголке чуть теплится лампада,
И ангелы притихли, и молчат,
Лишь голос соловья звенит из сада.

Ты жизнь любил и жил не так, как все.
Тебя влекла вперед твоя дорога...
И чистая душа во всей красе
Отправилась в полёт навстречу Богу.

СУДЬБА ПОЭТА

Ты ушел из жизни рано,
Путь закончился земной,
Но живешь ты, как ни странно,
В каждом доме и со мной.

Я твои стихи читаю –
Вижу Русь перед собой,
И всем сердцем принимаю
Твой талантище большой.

Вижу: всадник в поле скачет,
Вижу в таборе цыган,
Слышу, как гитара плачет
Про любовь и тонкий стан.

Вижу ножки неземные,
Вижу локоны волос,
И глаза ее большие
Над букетом белых роз.

Вижу дуло пистолета,
На снегу кровавый след...
Такова судьба поэта,
Но другой дороги нет.

Пять шагов. Пять шагов до барьера.
Пять шагов до барьера и... смерть.
Дуэлянт без креста и без веры,
И растоптана совесть и честь.

Смотрит в сердце зрачок пистолета,
Выстрел рвет тишину на куски,
И не стало в России поэта,
Защемило в груди от тоски.

И не стало в России поэта...
Пушкин! Где ты? На небесах.
Но остался вопрос без ответа,
Только искорки в синих глазах.

Да, звезда, догорая, упала
Из-за облачных далей на снег,
Да, душа от наветов устала
И в миру свой закончила бег.

В. Ф. ПОТАНИНУ

Отца убили на войне.
Шёл сорок первый.
Осталось фото на стене,
Дрожали нервы.

Их, не вернувшихся домой,
Похоронили.
И мама плакала порой –
Вот так и жили.

А мальчик рос в селе родном,
Учился в школе.
Утятка – жизнь твоя и дом,
И ветер в поле.

И где бы ни был, где б ни жил,
Ты возвращался,
И, наслаждаясь, воздух пил,
И удивлялся,

Что есть на свете уголок
Земли любимой,
И где твой жизненный исток
Пророс, как нива.

Где научился ты писать,
Возвысив слово,
И болью в сердце сострадать
России новой.

И. П. ЯГАНУ

Достав из рундука тельняшку,
Я вспомнил молодость свою,
Когда с душою нараспашку
В строю на палубе стою.

На мачте флаг советский реет,
О Берег плещется волна.
И свое время не жалеет
Души добрейший старшина.

Он предан Флоту и России,
Ему корабль, как дом родной.
И куда только не носила
Судьба нелегкая порой...

И вот сегодня на рассвете,
Умыв лицо морской водой,
Я уносил с собою ветер
И моря Черного прибой.

Я уезжал в Свердловск учиться,
Я знал, что это навсегда
И что ночами будет сниться
Мне черноморская вода.

Что будут сниться мне матросы,
Эсминец, рубка, рулевой.
И в небе синем альбатросы,
Да волны моря за кормой.

НИКОЛАЮ АКСЕНОВУ

О, Боже, исповедь пера,
Да это ж исповедь поэта.
Всю ночь работа до утра –
Душа в полете до рассвета.

И убегающая вдаль –
Строка как дивная дорога,
И вдохновение от бога,
И в сердце тихая печаль.

И грусть порой, такая грусть,
Что и не выскажешь словами,
А ты, склонившись над стихами,
Свой измеряешь в жизни путь.

Глядишь на все издалека,
Своих дорог не проклиная,
И все юность вспоминая,
К божнице тянется рука...

А за окном все тот же сад,
Луна, уснувшая над полем,
И запоздалый снегопад
Кружится, вырвавшись на волю.

СЕРГЕЮ БОЙЦОВУ

Глаза проснувшейся гостиницы
Встречали утренний рассвет.
И солнце по пожарной лестнице
Спешило к нам в апартамент.

Он у окна стоял задумчивый,
С улыбкой мягкой на губах,
И вдруг стихи прочел застенчиво,
Слегка запутавшись в словах.

Он мне читал стихи Рубцова
И Мандельштама вслух читал,
Потом задумался и снова
Вдали невидимой пропал.

Пропал, чтоб снова возвратиться,
И сев за стол тихо сказал:
«Да, я в поэзию влюбился,
И ей всего себя отдал.

И год за годом я рисую,
Пишу стихи, пишу эссе
И свою музу молодую
Встречаю часто на крыльце.

Она идет ко мне крадучись
По снегу белому зимой.
А в небе синем плывут тучи,
Плывут, качаясь надо мной.

Плывут передо мной картины,
Давно минувших детских лет,
Кусты подстриженной малины
И на телеге седой дед.

И белый конь стучит копытом,
Грызет, гарцуя, удила.
И каждый год на дачу летом
Меня зовут мои дела.

Здесь нахожу я вдохновенье,
И на террасе до утра,
Отбросив в сторону волнение,
Скользит душа из-под пера».

КАШИРИНСКИЙ МУЗЕЙ

Я посетил Каширинский музей,
Единственный музей в сибирском крае.
И прикоснувшись к музе, замираю,
Здесь среди книг знакомых и друзей.

Одна к одной стоят на стеллаже,
Плечом к плечу Яган, Потанин, Югов.
А за окном воркует в поле вьюга,
Она с утра сегодня в кураже.

А здесь тепло натоплена изба.
Куда не кинешь взгляд, повсюду книжки,
И рядом с чайником медовые коврижки,
И дымом дышит, охая, труба.

И все молчат, затишье перед бурей.
С обложки смотрит Слава Веселов,
А вот поэт наш детский Куликов
Глядит на нас и что-то брови хмурит.

С ним рядышком на полочке Васильев,
Андреева, Усманов, Толя Львов,
И песенник великий Худяков,
И чуть приметный в уголке Агеев.

А вот и Пляхин, Блюмкин, Бирюков,
Туманова, Аксенов, Устюжанин.
И Белоусов, наш приветливый хозяин,
По комнатам истории ведет.

Ведет туда, где тишь да благодать,
Где на пороге замирает время,
Где сердцем начинаешь понимать,
Что здесь взросло прекрасной лиры семя.

На кончике пера
Лежит мой тонкий стих.
Как будто бы вчера
Гул в голове затих.

И улетела вдаль,
К тебе на небеса,
Моей души печаль,
Как девичья краса.

Туда, где тишина,
Где яблони в цвету,
Где круглый год весна
И грешники в поту.

Где дышат жернова,
Размалывая нас.
И робкие слова
Летят с горы Парнас.

И дивная строка
Рождается в сей миг.
Она мне так близка,
Как голос средь глухих.

Она мне так близка,
Как первые цветы,
Как тонкая рука,
О, господи, прости...

Какая осень на дворе,
В глазах рябит от неба серого,
И колокольчиком звенят
Колосья хлеба перезрелого.

А над землей плывут дожди,
И плачут листьями березы,
И ветер бьется без нужды,
И тает дым от папиросы.

Еще вчера было тепло,
Играли звезды за оконцем,
Но утро холод принесло,
И в тучах схоронилось солнце,

Какая осень в октябре:
Порой то холодно, то жарко,
И я, проснувшись на заре,
Ворую воздух твой украдкой.

Смотрю на небо. Журавли
Плывут, мою тревожа душу,
И ночь, растаявши вдали,
Скользнет, дождем упав на лужу.

А я весь день буду жалеть
О том, что пролетело лето,
И в небо серое смотреть,
И ждать из вечности ответа.

Я в Переделкино. Какая благодать!
Вокруг сады, аллеи, переулки...
И листопад недолго будет ждать,
И нам пора поднять с тобою рюмки.

Поднять за тех, кто здесь когда-то жил,
Кто здесь бродил по улицам, печальный,
Кто музу, как подругу, полюбил
И бился за нее, порой отчаянно.

Поднять за тех, кто ночи напролет
На части рвал истерзанную душу,
И провожая журавлей в полет,
Всего себя выплескивал наружу.

Поднять за Пастернака, за друзей,
За тихую, уютную обитель,
За Окуджаву, за гитару, за гостей
И за звезду свершений и открытий.

За забором кусты. Рядом – дача.
Здесь когда-то творил Пастернак,
И поймав в небе синем удачу,
Он забросил ее на чердак.

Здесь рождались бессмертные строки,
Здесь поэмы росли и стихи,
Но поэзии русской пророки
Стали вдруг к его прозе глухи.

Задрожала листва в поднебесье,
К звездам, в небо, рванулась рука.
И простые душевные песни
Жить остались в судьбе на века...

Говорят, что поэты – от бога,
Что живут они, как мотыльки,
Что своя у них в жизни дорога,
И свой крест после каждой строки.

В лесу нагрывшей весной
Березе белой вскрыли вены,
И мальчуган совсем босой
Пьет жадно сок, сдувая пену.

А под ольхой невдалеке
На солнце греется подснежник,
И пробивая путь к реке,
Ручей несет с собой валежник.

Журчит холодная вода,
Звенят на стылых лужах льдинки,
А птичья стая, как всегда,
Уселась греться на осинке...

Повсюду слышен птичий гам,
Грачи на поле прилетели,
И лучи солнца тут и там
Среди березок заблестели.

На сельском кладбище, что возле деревеньки,
Где восемь сосен да одиннадцать берез,
Где седоватый, старый сторож Венька
Что-то читает сам себе под нос.

Читает Пушкина, Есенина, Рубцова...
Он знает Библию почти что наизусть.
Он свято верит в поэтическое слово.
И нипочем ему печаль и грусть.

Да, он не просит денег за работу.
Он сам себе хозяин и пророк.
Он здесь обрел душевную свободу
На отведенный богом ему срок.

Он лечит душу тем, кто оступился.
К нему идет народ со всех сторон.
Один уже до чертиков напился,
Другой считает на сосне ворон.

И здесь в сторожке происходит чудо:
Как будто заново родился человек.
И он уходит с благодарностью отсюда,
Поняв одно, как короток наш век.

Весь день льет дождь из облаков,
Нависших над землею,
А мы уж сутки на волков
Охотимся с тобою.

Собака чувствует их след,
И волк следит за человеком.
Он очень много принес бед
Наш санитар и лесной лекарь.

Но я покончу счеты с ним,
Он нас достал уже, ей-богу.
Давай, дружок, поговорим
И перейдем эту дорогу.

Укроемся вот здесь, в лесу,
И будем ждать с тобой рассвета,
Когда помчатся колесом
Они вперед навстречу лету.

Вот тут-то, милый, не зевай.
Я его в лоб свинцом огрею,
А ты рви когти, догоняй.
И рви на части, не жалея.

Сиди над ним и охраняй,
Мы наконец свели с ним счеты.
Он твой по праву, забирай.
Закончил он свои полеты.

Он жил, как все, по-волчьи выл,
Пугал ночами всю округу.
А, осмелев, про все забыл.
И хвост подняв, ходил по кругу...

Да, коротка жизнь у волков.
Один лишь миг – и встреча с пулей.
И убегает от стрелков
Волчонок, смерть свою почуяв.

Цыганский табор на холме,
Едва заметные палатки
Костер шевелится во тьме,
Бросая тень в лицо цыганки.

О чём задумалась она?
Дитя свободного народа,
Её секрет хранит Луна
Да звезды в небе и природа.

Но что такое? Уж идет
Навстречу озеру, играя
Косой и бёдрами, плывет,
Про все на свете забывая.

Легли на землю кружева.
Цветные бусы и наряды.
Река от ночи ожила,
Приняв цыганские обряды.

Кружилась, пенилась вода,
От тела теплого цыганки.
И над волною иногда
Играли груди с пеной в прятки...

Устало вышла из воды,
По ветру волос распустила.
И с листьев каплями росы,
Лицо красивое умыла.

Уже весна канючит на дворе.
Уже капель на водосточных трубах.
И солнце красное, поднявшись на заре,
Тебя, любимая, целует прямо в губы.

А я уже не тот, что был вчера.
Хотя как прежде я весною болен.
И снег, растаяв, уплывает со двора,
И медь бросает блики с колоколен.

И кажется, что мир уже иной.
Все те же улицы, но нет числа прохожим.
А я как тень гоняюсь за тобой.
Ищу тебя перед распятым божьим.

Смотрю святым апостолам в глаза.
А в них века, покорность и смятенье.
А на щеке твоей прозрачная слеза.
У прихожанок вызывает умиленье.

О Матерь божия! Святая всех святых!
Твой лик прекрасен, знаю, ты все можешь.
Так снизойди до грешников своих
И помоги, она мне всех дороже.

Луна катилась колесом
По небу звездному лениво
И, постояв перед окном,
Вошла в мой дом неторопливо.

Присела молча на кровать.
Лицо лучами осветила
И тихо, словно в детстве мать,
Меня до света разбудила.

Я вышел в яблоневый сад.
Мерцали звезды надо мною.
И плыл душистый аромат
Созревших яблок над землею.

Моя бессонница со мной
Гуляла до утра по саду.
И этой ласковой порой
Была не в тягость, а в награду.

Тянуло холодом к утру.
Рассвет дымился над полями.
Качался колос на ветру
И таял диск над тополями.

О ЧЕМ ЗВОНЯТ КОЛОКОЛА

О чем звонят колокола?
Зачем нам душу разрывают.
Они ли, медные, не знают
Про наши грязные дела.

Да, новый царь всея Руси.
Горит на солнышке корона.
И тени шепчутся у трона,
Пытаясь, честь свою спасти.

О чем звонят колокола?
На панихиду ль зазывают?
А в кулуарах злость срывают,
Там закусили удила.

Но не пробил наш звездный час.
Еще Россия на распутье.
И не готовы еще судьи
Вершить судилище сейчас.

О чем звонят колокола?
О том, что быстротечно время.
И ясный сокол смотрит в темень.
Куда же Русь моя зашла.

В тупик. И надо бы поднять
С колен великую Россию.
А веря в бога и миссию,
Мы не имеем права ждать.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ЗАРИСОВКИ

На Петербургские мосты
Ложится снег новорожденный,
А я, как в детстве, удивленно
Смотрю на желтые кресты.

Смотрю на шпиль Адмиралтейский,
На золотые купола
И, забывая про дела,
Бреду тихонечко на Невский.

Иду к тебе, мой Петербург,
Закованный в гранит и камень.
Я красотой твоею ранен,
И сердце замирает вдруг.

Поселок Стрельня и Кронштадт,
Тельняшки, гюйсы, бескозырки,
И симпатичные блондинки
На морячков бросают взгляд.

Все это было, было, было...
Я помню это, как сейчас,
И перевернутый баркас,
И тех, кого волною смыло.

И девочку на Малой Невке,
Ее печальные глаза,
А на Никольском шла гроза,
И ветер рвал с деревьев ветки.

Штормило море, дул норд-вест.
Качался парусник у пирса,
И поседевший боцман Фирсов
В свой уходил последний рейс.

И мы прощались в поздний час,
Обняв друг друга на причале,
А чайки жалобно кричали,
И слезы капали из глаз.

КОГДА СТРАНА БЫЛА В БЕДЕ

Я с вами, милые друзья,
Где в знак протеста голодают.
Иначе жить уже нельзя,
Нас постепенно забывают.

Когда страна была в беде,
И смерть вершила свое дело,
Наперекор самой судьбе
Закрыли мы реактор телом.

Ну а теперь прошли года,
И вместо льгот – краюха хлеба.
Нет, не забыть нам никогда,
Как звезды падали к нам с неба.

Как хоронили мы ребят
Под Гомелем, в Калуге, Бресте...
И будет каждый из них свят,
Поправший смерть на страшном месте.

Мы ни одни в своей стране,
И мы делили все по-свойски.
Ведь на войне как на войне
Солдаты гибнут по-геройски.

Спасибо вам, мои друзья,
Спасибо вам за все на свете:
Вы шли на смерть совсем не зря,
Ведь нашу жизнь продолжают дети.

Смерть придет еще не скоро,
Я смотрю на образа
И спешу скорей за город,
Там где ливень и гроза.

Мир вокруг меня так тесен,
Лес дремучий, поезда.
Нет красивей русских песен,
Ах вы, юные года.

Пролетели, словно кони
По заснеженной зиме,
Словно маленькие пони,
Закружились в кутерьме.

Визг и смех, шальные ночи,
Губы сладкие твои,
Знаю, разное пророчат
И гадают на крови.

Но не скоро, нет, не скоро
Раззадорю я судьбу,
И сто лет мой черный ворон
Будет ждать меня в аду...

Или птичка-невеличка.
Или звонкий соловей
Прилетят ко мне на речку,
Ставшей мелкой, как ручей...

Я лицо свое умою
И усну на берегу,
А пока мне нет покоя,
Я бегу. Бегу. Бегу.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

1

Эх, гитара давняя подруга,
Эх, товарищ ротный старшина!
Где бы я нашел такого друга,
С кем и пуля – дура не страшна.

Здесь, у звезд на горном перевале,
Смерть чирикала на ухо нам не раз,
Но друзья друзей не предавали
И в бою не закрывали глаз.

А теперь комбат отдал приказ –
Срок вернуться каждому в семью,
Ты поедешь с Гогой в Арзамас,
Я – в Курган, на Родину свою.

Девушки, которые нас ждут,
Не признают мальчиков в мужчинах,
А, узнав, тихонько подойдут
И заплачут, глядя на седины.

Эх, гитара давняя подруга,
Эх, товарищ ротный старшина!
Где же я найду такого друга,
С кем и пуля-дура не страшна.

2

Гитара звенела и пела,
И голос в печали дрожал,
Дрожала душа их и тело,
И кто-то в подушку кричал.

Кричали на улице птицы,
И в настезь открытую дверь
Входила весна, как царица...
А что же, а что же теперь?

Он знал еще там, у завала,
Когда полыхнула заря,
Что солнце его отпылало,
Лишь звезды навечно горят.

С покоем придется проститься –
Десантник живет до конца.
И тело ствола раскалится
От вздохов коротких свинца.

3

А позже тяжелые руки
Его к медсанбату несли.
И белые, белые мухи
По черному небу ползли.

И вот на больничной кровати
В испачканных кровью бинтах
Лежит в одиночной палате,
Живет только скрип на зубах.

Он живет точно так, как другие,
В ожидании правды и снов,
Где они возвращались живые,
Обнимаясь, как братья без слов...

4

Рассвет проснулся ото сна,
Покой нарушив тихих улиц,
Едва дрожал он, а луна,
В последний раз землей любуясь,

Уже спешила на покой.
И диск в лазури растворился,
А в это время сон такой
Солдатской матери приснился:

Она увидела в бою,
Как сын ее, ее кровинка,
Упал у бездны на краю,
И вместо глаз сверкнули льдинки.

А рядом, что ни шаг, то труп,
Свои, чужие вперемешку –
Лежат мальчишки там и тут:
Судьба им выбросила решку.

А он все шел, шел по земле.
И мать, как птица, встрепенулась,
Рванулась к сыну: «Дорогой!»...
И от испуга вдруг проснулась.

5

Здравствуй, мама! Прости, что так долго молчал –
Я был ранен и смерть на рассвете встречал,
Я менял день на ночь, я не видел зари,
Я не видел закат, как он нынче горит.
Я не видел ни звезд, ни сиянья луны,
Я не видел во сне никого, ни жены.

Я одною тобой, моя милая, жил,
Даже если и не было более сил.
Ты прости. Приезжай. Все увидишь сама,
А жене передай, что сошел я с ума,
Что ее разлюбил и с другою живу,
Что нашел здесь себе молодую вдову.

Пусть гуляет она и в веселье живет,
А меня непутевого лучше не ждет.
Приезжай. Буду ждать. Ты – надежда моя,
Приезжай же скорей. Ты теперь – мое я.
Извини, что писала чужая рука.
До свиданья, до встречи. Целую. Пока.

6

Она вошла, и он ее узнал
По шепоту шагов, привычных с детства.
Он губы прикусил, и зубы сжал.
Не дав себе по-детски разреветься.

Она вошла, и замерли шаги,
И перед ней поплыли чьи-то лица.
– О, Господи! За что же? Помоги.
А я уж буду день и ночь молиться.

– Не надо, мама! Дайте, обниму
И поцелую руки золотые,
И, словно в детстве, к сердцу их прижму,
Они такие теплые, родные.

– Сынок! Ты жив! Ты жив, мое дитя!
Она рыдала, сына обнимая,
А люди выходили погода,
Чужую боль всем сердцем принимая...

А за окном буянила весна,
Цвела ирга, шумели листья сада.
А рядом плакала сестренка иль, жена
И вслух шептала: «Врать любви не надо».

– Не надо, Люда! Я же вас просил.
Зачем я вам? Кому нужны калеки?
Я долго тяжесть на душе носил
И часто думал о тебе как человеке.

Я долго думал, но ведь есть и долг,
Я не могу обузой стать на годы,
Я сделал все, любимая, что мог.
Да разве могут жить цветок с уродом.

– Нет, нет! Прости. Ты, Витенька, не прав.
Я поклялась любить тебя навеки –
Она прижалась, руки крепко сжав,
И зарыдала, глядя его веки.

А по лицу, сожженному свинцом,
Бежала дрожь, и заходили скулы.
Он видел памятью жену и отчий дом,
И огрызающее очередью дуло.

Сквозь ночь, пургу, песчаную метель
Летел экспресс, и степь глотала звуки,
А в тишине, забыв про боль и муки,
Любовь стелила мягкую постель.

Любимый! Мне ли не дано
Согреть, и ласки все излечат,
И, прижимаясь, гладить твои плечи,
И с радостью испить любви вино.

– К чему слова упругие, как дождь,
К чему тепло, если не греет душу,
А я такой тебе совсем не нужен.
Кому нужна без спелых ягод гроздь?

Кому нужны ладони мертвеца
С холодными глазами привиденья?
И будни, и седые воскресенья,
И стаи звезд, застывших у лица...

– Молчи! И знай, что я тебя люблю,
Люблю, как раньше, как всегда любила,
И никогда, поверь, не изменила
Тому, кого так искренно люблю...

– Но как связать тебя теперь со мной?
Ты лапушка, крыло от белой птицы,
Ты чистая поэзии страница,
А я, как челн, отброшенный волной.

– Все образуется, все станет на места.
Не мальчик ты, а муж, уже мужчина.
Кого ты хочешь? Девочку иль сына?
И голос слился с трелями свистка.

Летело время, словно впопыхах,
Крутилось солнце, падая на кручи,
А ветер странствий, разгоняя тучи,
То замирал, то рвался в облаках.

– Не надо, к черту, выброси в окно.
Я не могу читать стихи руками,
И пальцы застревают меж строками,
И мысли огрубевшей все равно.

– Я так и знала. Страх перебороть
Не каждому дано, но мы осилим.
Мы камень из-под ног с тобою сдвинем
И будем повести прекрасные читать.

– Любимая! Ты веришь в чудеса,
Но ведь чудес на свете не бывает.
И звезды, не закончив путь, сгорают,
И словно нити рвутся голоса.

И падает листва, прожив короткий срок.
Ей больше не дано, она не та, что прежде,
И нет к возврату никакой надежды,
Срок от весны до осени истек.

– Глупец! А я? Меня ты не считаешь?
А сын, твой сын, он копия отца.
И я не вижу у любви конца.
Ты сам себя еще, мой друг, не знаешь...

– Я знаю все. И то, что я уйду,
И ты заплачешь громко на пороге.
Но твои легкие, как ветер, ноги
Уже не в силах будут подойти.

Прощай. И не люби с тоской.
Кому нужна такая жалость?
Нам жить с тобой уже не в радость,
Мы зря гонялись за мечтой.

Эх, гитара верная подруга!
Эх, товарищ ротный старшина!
Жить без денег стало очень туго,
Выручай, родимая страна.

Не звените струны, не звените,
Утопил я молодость в вине.
И плохое про меня не говорите,
Жизнь моя качается на дне.

Ни друзей, ни радости, ни боли
Очерствелая душа не признает.
Застрелиться? Утопиться что ли?
Головою в прорубь и под лед...

Надоело мучиться тоскою,
Надоело по ночам рыдать.
И холодной осеннею порою
Ствол березы, как жену, ласкать.

Не звените струны, не звените,
Утопил я молодость в вине.
И плохое про меня не говорите,
Жизнь моя качается на дне.

– У порога трезвонить кончайте,
Дверь открыта, входите скорей.
Я вас спрячу, согрею вас чаем,
Как своих самых лучших друзей.

– Колька! Ты ли? Какими судьбами
Занесло тебя в наши края?
Иль наскучило жить со снегами,
Или в гости мне радость дана?

– В гости, ясное дело, – друзья.
Кажется, век не встречался с тобою,
Так наливай, а может быть нельзя?
Или я ничего уж не стою?

– Вот стакан, вот хлеб, огурец –
Чем богат, тем тебя угощаю.
Ну, а дом, он как дом – не дворец,
Здесь и пью и друзей принимаю.

– Ну, а ты, брат, живи у меня –
Места хватит на целую роту.
И мы вспомним всю службу по дням,
Вспомним славную нашу пехоту...

За тебя и за тех, кто погиб,
Я стакан до конца осушаю,
И пусть вздрогнут от страха враги
И умрут, жить другим не мешая.

За друзей! За тебя, милый друг,
И за нашу сердечную встречу,
И за жизнь, что ликует вокруг,
Выпьем, время же лечит.

Оно лечит, рубцует следы
На когда-то растерзанном сердце,
И на краешке нашей звезды
Нам придется, дружище, согреться.

А теперь говори, что и как,
Где жена? Или снова в разлуке?
И давай не дерзи, разжимай-ка кулак,
Ты, подвергнутый слабостям в скуке!

Ты, нашедший забвенье в вине!
Сколько радости в этом веселье?
Вспомни соль на солдатской спине
Да свист пуль в Аргунском ущелье.

Помню, Коленька, все до конца,
Помню все до последней минуты:
И прощальный твой свист у крыльца,
И привет от братвы с разведроты.

Да, я пью. Чаше водку, чем спирт.
Да, с женою у нас неполадки.
И, как осень у сложенных скирд,
Я гуляю и пью без оглядки.

Что же делать прикажете мне?
Со слепыми водить хороводы?
Они сами, как я же, на дне,
И у них, что ни день - то заботы.

Вот и надо собрать всех в кулак.
Вожака, вожака бы ребятам,
Это дело совсем не пустяк,
Не пустяк, а ты матом все, матом...

Ты подумай, о чем я сказал,
И возьми на себя все заботы.
Ты же водкой себя обокрал,
Посмотри сколько рядом работы.

И шуршали слова, как листья,
И мелькали страницы, как руки,
И ажурныеплыли мосты
Через боль, сквозь душевные муки.

ОТ МОСКВЫ ДО САМЫХ ДО ОКРАИН

Поэма

Что-то в жизни не так.
Мир в сплошной круговерти,
Что-то в жизни не так -
Мне, миряне, поверьте.
Я любил и люблю
Свою землю и небо,
И порою молю:
«Боже, дай людям хлеба!»

Помолившись, бреду
По забытым дорогам.
И порою в бреду
Вопрошаю у Бога.

Что-то в жизни не так.
Почему и зачем?
Ходит Митя-чудак,
Улыбается всем.

Улыбается людям,
Облакам и луне.
Он совсем не подсуден
И поет в тишине.

А слова, словно птицы,
Вылетают из губ.
Он поет небылицы
И поэтому люб.

Его любят товарки,
Его любят менты.
И гадают цыганки,
И смеются шуты.

Он идет по Арбату
Мимо шумной толпы.
Здесь наш кормчий когда-то
Бил приспешникам лбы.

Здесь читают поэты
Свои вирши друзьям,
Здесь гуляют аскеты
Важно, словно князя.

Здесь играл Окуджава
На гитаре и пел,
И народная слава –
Его жизни удел.

Здесь Высоцкий арбатил,
Пил с друзьями аир
И, на кон все поставив,
Удивительно жил.

Ну а Митя идёт
По Москве вдоль реки.
И голубку зовёт,
Кормит щедро с руки.

Спит с бичами в ночлежке,
Байки травит порой,
А наутро в тележке
Везёт груз за собой.

Здесь одежда и книги,
Всё, что нажито им,
А в мешочке вериги
Да святой Серафим.

Вот и Красная площадь,
Мавзолей, тишина.
Ветер флаги полощет.
Ах, моя ты страна.

Рядом лобное место –
Иностранцы гурьбой.
Все наивно и просто...
Башни с красной звездой.

Здесь цари и пророки
В кремль въезжают с утра.
И без лишней мороки
Их везут шофера.

Они тоже на службе,
Давят газа педаль.
И бывает по дружбе
Получают медаль.

Ну а Митя – не промах.
Ведь не даром чужак:
Слышит каждый он шорох,
Где свои – а где враг.

Плачут дети, в детдоме –
Надо им матерей,
Но бросают в роддоме
Без стыда малышей.

А в горах всё стреляют.
Дагестан и Чечня.
И мальчишки встречают
Свою смерть, нас виня.

Сколько крови пролито.
На земле – боль и страх.
Не считают убитых,
Превратившихся в прах.

А в стране всё блатуют:
Олигархи, воры.
На Канарах жируют.
До какой же поры?!

Митя жадно внимает
Коммунистов мораль.
Он не глуп, понимает
Русских женщин печаль.

«Что печалитесь, бабы?
Веселей, веселей.
Вы же не баобабы –
Шевелитесь быстрее!

Посмотрите налево,
Пиво пьют мужики.
Посмотрите направо,
Как живут старики.

Денег нет на лекарство.
Дорогие гробы.
И отбросив лукавство,
Живут, словно рабы.

Умирают в приютах,
На последние пьют,
А в роскошных каютах
Честь свою продают.

Молодые, красивые,
Что им совесть и стыд,
И душа за Россию
У них вряд ли болит».

Что-то в жизни не так.
Мир в сплошной круговерти
Что-то в жизни не так –
Мне, миряне, поверьте.

За кремлевской стеной –
Благодать, тишина,
Обрела здесь покой
Дорогая страна.

Здесь зарплату не режут,
Кризис им нипочем,
И по-прежнему лижут...
Ну а жизнь бьёт ключом.

Просыпаются птицы.
Голосисто поют.
И улыбки на лицах
Свой находят приют.

Разве можно заставить
Не любить, не рожать.
Тяжело Русью править
И ночами не спать.

Но дано тебе свыше
Крест нести до конца.
Ты народом услышан
И стоишь у венца

Ты стоишь на дороге.
Вправо, влево – не сметь.
И зовут тебе боги,
Нужно, нужно успеть.

Доллар в русских одеждах
Правит нашей страной,
Но лелеем надежду
На наш рубль золотой.

«Где же наше богатство?
В банках на Уолл-стрит.
Где же русское братство?» –
Жириновский острит.

А слова его точны,
Как отточенный нож.
И он часто пророчит,
Говоря: «Русь не трожь!»

Сапоги мы омоем.
Славу флоту вернем.
Если надо – зароем,
Честь свою не пропьем.

Офицеры Державы,
Так держать, так держать.
Вы ж опора и слава,
Растудыт – твою мать».

Коммунисты в опале,
Демократы в дерьме,
Жириновцы устали,
Березовский в тюрьме.

Кое-кто за границей
Умирает в тоске.
Невеселые лица,
Седина на виске.

Сталевар без работы,
Хлебороб без жнивья.
На строителей квота.
Догорает свеча.

Боже праведный! Где Ты?
Не понять, что творим.
Но не слышно ответа –
Только пепел и дым.

Жгут леса и болота –
Лесорубы в чести.
И шальная охота...
Боже! Боже, прости.

Чу, идут супостаты
Грех замаливать в храм.
Души страхом объаты,
Стыда нет ни на грамм.

Обращаются к Богу:
«Ты нас, Боже, прости,
Не суди слишком строго,
Мы на верном пути».

И бросают банкноты
На разносы в церквях,
Тусклый блеск позолоты
При закрытых дверях.

И летят мерседесы
По России моей.
Собираются бесы
На шабаш упырей...

СОДЕРЖАНИЕ

Объяснение в любви (В. Кветков)	4
«Вчера закончилась война...»	5
У ВЕЧНОГО ОГНЯ	6
«Орден Красной Звезды...»	7
Войны не видел я, ребята	8
Здесь шла война	9
Мы в атаку с тобою пошли	10
И штрафники становились героями	12
Рассказ штрафника	14
За высоту четыре дробь четыре	16
«Я недавно услышал рассказ...»	18
Ошибается в жизни один раз сапер	20
Герою-подпольщику Алексею Шумавцову	21
Как на войне	22
«На стенах побежденного ...»	24
У вечного огня	25
ДОРОГАМИ АФГАНИСТАНА	26
«Автобус быстро отошел...»	27
«Вдоль трассы памятники...»	28
Вот еще один цинковый гроб	29
Я выжил, я один в живых остался	30
«— Ты дворник, ты не человек...»	32
Постовая сестра	34
Больница	35
«На заросшем бурьяном холме...»	36

*Жить — это значит гореть,
Как звезде, на ночном небосклоне,
И свою лебединую песню допеть
У реки под березой на склоне...*

ЧЕЧЕНСКИЙ ИЗЛОМ	38
«Ты развязал войну в Чечне...»	39
«Мы вышли из ворот военкомата...»	40
А бой идет, тяжелый бой	42
«Зачем же ты его убил?...»	43
Славной армии рядовой	44
Посвящается Ю. А. Анциферову	46
Памяти друга	47
«Над Чечнею – ночь...»	48
СВЯТАЯ РУСЬ	49
«Святая Русь! Вовеки и в веках!...»	50
Ностальгия	51
«О, братья во Христе!...»	52
В Смолино	54
Да, это Родина, Россия	55
«Года прошли мгновенно...»	56
«Меня ночами крик тревожит...»	57
«Опрокинулась черная чаша...»	58
«Спустилась ночь...»	59
Ударили в набат и замолчали	60
Я НЕ МОГУ О РОДИНЕ НЕ ПЕТЬ	61
«Я не могу о Родине не петь...»	62
Прощание	63
«Нет малой родины, поверь...»	64
Светлой памяти матери моей	66
«В детство босоное, мечтая...»	68

Возвращение сына	70
«Помнишь, сестричка? В Рязани...»	71
Моей жене	72
Внуку Александру	73
«Я помню школу старую свою...»	74
«Эта музыка школьного вальса...»	75
Вдали от Родины	76
«Закатный лес на склонах вдоль реки...» ...	77
«Надо мной небо светится...»	78
Что нас ждет за поворотом	79
Памяти Вячеслава Веселова	80
Памяти В. И. Юровского	81
Памяти Бориса Новикова	82
Судьба поэта	83
«Пять шагов. Пять шагов до барьера...» ...	84
В. Ф. Потанину	85
И. П. Ягану	86
Николаю Аксенову	87
Сергею Бойцову	88
Каширинский музей	90
«На кончике пера...»	92
«Какая осень на дворе...»	93
«Я в Переделкино. Какая благодать!...» ...	94
«За забором кусты...»	95
«В лесу нагрывавшей весной...»	96
«На сельском кладбище...»	97
«Весь день льет дождь из облаков»	98
«Цыганский табор на холме...»	100

«Уже весна канючит во дворе...»	101
«Луна катилась колесом...»	102
О чем звонят колокола	103
Петербургские зарисовки	104
Когда страна была в беде	106
«Смерть придет еще не скоро»	107
Противостояние	108
От Москвы до самых до окраин. Поэма	121
«Жить – это значит гореть...»	130

Издательское объединение Курганской областной
писательской организации и центра «Отклик»

Николай Клишкин.
Вчера закончилась война. Стихи.
Курган. – Центр «Отклик». – 2010. – 136 с.

Заказ 1024. Тираж 1000.
Подписано в печать 09.04.2010.

Макет изготовлен в центре «Отклик».
г. Курган, ул. 4-я Больничная 8-16, тел. 54-20-53.

Отпечатано в типографии «ПринтЭкспресс».
г. Курган, ул. Промышленная 33, тел. 50-10-00.

60p.

